

INSPIRIA

СЕЗОН

ОТПУСКОВ

БРИНН УИВЕР

INSPIRIA

Бринн Уивер
Сезон отпусков
Серия «Сурсаке. Бестселлеры
Буктока. Бринн Уивер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74036187

Сезон отпусков:

ISBN 978-5-04-248269-4

Аннотация

Харпер живет в маленьком пляжном городке и охраняет дом старика Артура от назойливых туристов. Тех, кто не желает убираться подобру-поздорову, ждет участь компоста – недаром Харпер выигрывает местные конкурсы садоводов.

Однажды в Гиблом Мысе появляется Нолан – человек, которого сложно назвать обычным туристом. Чертовски привлекательный и дьявольски опасный, он виртуозно владеет клинком и одержим только одним: мстью.

Внезапно планам и Харпер, и Нолана начинает угрожать дилетант-исследователь тру-крайма, идущий по следу серийного убийцы. Боясь разоблачения, сладкая парочка заключает опасную сделку. Но холодный расчет оборачивается чем-то совершенно неожиданным – всепоглощающим чувством, которое может оказаться смертельнее любой тайны.

Потому что в Гиблом Мысе либо пан, либо пропал.

Содержание

Предупреждения	5
Плейлист	9
Эрозия	14
Якорь	32
Азимут	43
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Бринн Уивер

Сезон отпусков

Brynne Weaver

TOURIST SEASON

Copyright © 2025 by Brynne Weaver

Cover design and Illustration by Jim Tierney

© Николаева В., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Предупреждения

«Сезон отпусков» – это, прежде всего, романтическая комедия, и я очень надеюсь, что безумие, творящееся на страницах этой книги, вызовет у вас улыбку. Однако не стоит обманываться: комедия поистине черная. Пожалуйста, читайте с умом.

- Измельчитель древесины.
- Необычное использование птичьих кормушек.
- Не только глазные яблоки, но и глазницы. Тьфу! Знаю-знаю. Если вы со мной давно, думаю, уже смирились с тем, что в обозримом будущем без этого не обойдется (каламбурчик тут задуман).

- Аэраторы для газона.
- Скрапбукинг, но с криминальным уклоном.
- Садоводство, тоже с криминальным уклоном.
- Преследование и вуайеризм.
- Взлом и проникновение, включая кражи.
- Упоминания о физических и психологических пытках.
- Утопление.
- Гамбургеры. ПРОСТИТЕ. Я не планировала, но... так вышло.

- Птицы, которые любят человечину.
- Дорожно-транспортные происшествия.
- Разнообразное оружие: топоры, ножи, пистолеты, иглы,

бензопилы, инструменты для удушения и дыроколы.

- Ненормативная лексика и богохульство.
- Использование веревок в криминальных целях.
- Использование веревок в сексуальных целях.
- Медицинские учреждения и другие подробности: действия при травмах, сердечно-легочная реанимация, больницы и длительное восстановление.
- Откровенные сцены сексуального характера: отношения «подчиняющийся/укротитель», шлепки, жесткий секс, секс-игрушки, причинение боли и игры с ножом.
- Это история о двух влюбленных серийных убийцах, так что будьте готовы к убийствам и безумию.

Обычно я пишу забавные предупреждения о содержании, но сейчас буду серьезной: в книге присутствует пожилой персонаж с умеренными когнитивными нарушениями (УКН) и болезнью Альцгеймера на ранней стадии (БА). Также показаны трудности ухода за таким пациентом.

Я потеряла нескольких близких родственников из-за болезни Альцгеймера и более десяти лет проработала в сфере исследования этой болезни, поэтому очень хорошо понимаю, какие эмоциональные страдания вызывает утрата личности из-за деменции. Я знаю, как тяжело ухаживать за человеком с УКН/БА. Хотя я надеюсь показать всю сложность и красоту характера этого пожилого человека – от его страха и смятения до юмора и стойкости, – пожалуйста, имейте в

виду, что некоторым читателям такое погружение в проблему потери памяти может показаться травмирующим.

Более подробная информация, которая может оказаться полезной:

Умеренные когнитивные нарушения (УКН) – незначительные изменения в памяти и мышлении, которые могут указывать на переход к другим формам деменции, таким как болезнь Альцгеймера. Этот термин может использоваться как синоним «ранней стадии болезни Альцгеймера».

Болезнь Альцгеймера (БА) – прогрессирующее дегенеративное неврологическое заболевание с такими симптомами, как потеря памяти, трудности с мышлением, перепады настроения и изменения в поведении, психологические проблемы (паранойя, депрессия, галлюцинации), беспокойство, и многими другими. Болезнь Альцгеймера делится на три основные стадии: легкая, умеренная и тяжелая. Хотя в истории это прямо не заявляется и картина осложнена другими медицинскими состояниями, персонаж с этим заболеванием демонстрирует симптомы от легкой до умеренной стадии БА.

Деменция – общий медицинский термин для ряда различных неврологических состояний, которые представляют собой нарушение как минимум двух функций мозга. УКН и БА классифицируются как виды деменции.

Часть доходов от продажи этой серии книг будет перечислена Ассоциации болезни Альцгеймера США и Обществу

болезни Альцгеймера Канады.

Когда я только рассказала об этой серии, многие спрашивали:

«Там будут сцены, после которых есть не захочется?»
и «Будут ли глазные яблоки?».

Вы – что-то невероятное, я вас обожаю.

Эта книга для вас.

И да, БУДУТ.

Плейлист

Глава 1: Эрозия

You Don't Own Me, Lesley Gore

Angry Too, Lola Blanc

Man's World, MARINA

Глава 2: Якорь

In My Room, The Beach Boys

Something to Believe In, Young the Giant

Wicked Love, Naomi August

Глава 3: Азимут

Regulars, Allie X

Table for One, AWOLNATION (feat. Elohim)

Глава 4: Меридианы

UNFORGIVEN, LE SSERAFIM (feat. Nile Rodgers)

Serial Killer, Slayyyter

Глава 5: Бортовой обстрел

DieDieDie, Erin McCarley

CAN YOU SEE ME? Rezz

Глава 6: Выстрел в упор

eat your heart out, CRAY

Simon Says, Allie X

Blue, Madison Beer

Глава 7: Маршрут

Thanks for Calling, SONOIO

Hate You, Poylow & BAUWZ (feat. Nito-Onna)

Granite, Sleep Token

Глава 8: Глубина

Minutes, SONOIO

I Don't Even Care About You, MISSIO

MILK OF THE SIREN, Melanie Martinez

Глава 9: Сокровища

Clone, Metric

Love Cemetery, CRAY

Глава 10: Эксгумация

River Queen, Sara Jackson-Holman

Love and War, Fleurie

Глава 11: Стоп!

I'm Fine, William Black (feat. Nevve)

Panoramic View, AWOLNATION

Глава 12: Отклонение от курса

Down on Love, Cannons

Nightmares, Ellise

Daylight, Joji & Diplo

Глава 13: Дрейф

Too Late, All Gone, How to Destroy Angels

I'm a Ruin, MARINA

Hallucinate, William Black (feat. Nevve)

Глава 14: Туман

15 MINUTES, Madison Beer

Numb, Kiiara (feat. DeathbyRomy & PVRIS)

Think Twice, SMNM

Глава 15: Гарпун

Sloth (I Feel It Too Much), Erin McCarley

The Sun, The Naked and Famous

Глава 16: Идти без огней

Help I'm Alive, Metric

Backbone, DROELOE (feat. Nevve)

Self Destruct, Slayyyter (feat. Wuki)

Глава 17: Морская сажень

Obsessed, Sophie Powers (feat. Ashley Sienna)

Monster Hospital, Metric

Chokehold, Sleep Token

Глава 18: Буксир

Bipolar, Kiiara

Suspirium, Thom Yorke

I'd Be Lying, Greg Laswell

Глава 19: Балласт

Remedy, William Black (feat. Annie Schindel)

Hard to Forget, Jane XØ

FEEL, Beneld & BURY

Глава 20: Сплесень

This Is What It Feels Like, BANKS

Gloe, Kiiara

Kiss Me, Empress Of (feat. RinaSawayama)

Глава 21: Против ветра

Problem Me, Modwheelmood

Analyse, Thom Yorke

Глава 22: Шторм

Diet Pepsi, Addison Rae

Bridged by a Lightwave, deadmau5 & Kiesza (Radio Edit)

Spitting Off the Edge of the World, Yeah Yeah Yeahs (feat.

Perfume Genius)

Глава 23: Бездна

Dream wrld, daniel.mp3 & ZAMARO

Drag Me Under, Sleep Token

Bottom of the Deep Blue Sea, MISSIO

Глава 24: Снасти

TOO GOOD, Troye Sivan

Sugar, Sleep Token

Odyssey, Fleurie

Freight Train, Sara Jackson-Holman

Глава 25: Ненадежная стоянка

Sanctuary, Joji

Renegade, Belle Sisoski

Your Ghost, Greg Laswell

Глава 26: Буря

chaotic, Tate McRae

Out of the Blue, Fleurie

Black Swan, Thom Yorke

Глава 27: Шквалистый ветер

Expectations, Sir Sly

Vitamin D, SONOIO

Глава 28: Нуль глубин

Pain&Pleasure, BlackAtlas

Atlantic, Sleep Token

Left, SONOIO

ЭПИЛОГ

Bear's Vision of St. Agnes, mewwithoutYou

Эрозия

Харпер

Уверена, никто не едет в отпуск с мыслью, что его расчленият и засунут в измельчитель древесины. Однако среди туристов встречаются настоящие подонки, которые только такой участи и заслуживают.

Взять, к примеру, того типа из паба «Буй и маяк». В прошлом году он зажал Сельму Дейтон в уголке у туалетов. Сама видела. И слышала, как она сказала «нет». Когда я вышла из зала, он пытался ее поцеловать и засунуть руку под блузку. Мразь.

Измельчитель.

Или тот чувак, что напился и обдолбался, а потом снес забор на ферме Дейла Линдена и принялся гонять по полю его лошадей. Те, конечно, перепугались до смерти. Одна упала и сломала ногу. Дейлу пришлось ее пристрелить. Хотя бедняга звонил копам, шериф Йетс палец о палец не ударил. Он просто протокол составил, и все. Как всегда.

Измельчитель.

Или, например, мужик, чью отсеченную кисть я держу прямо сейчас.

Мистер Брайс Махоуни. Видела его в местном магазине – он пытался подсунуть телефон женщине под юбку, чтобы сделать фото. Когда я стащила бумажник Брайса и покопалась в нем, выяснилось, что ублюдка уже уличали в подобных преступлениях в двух других штатах. А ему хоть бы хны – разгуливает по городу, словно он тут хозяин. Урод даже не попытался скрыть, что задумал очередную гадость.

Да, без измельчителя определенно не обойтись.

Разглядывая мужскую ладонь, я напеваю себе под нос. Кожа бледная, как у восковой фигуры. Холодная. Не ожидала, что рука будет такая тяжелая, – пальцы ведь коротенькие. Переворачиваю отрубленную кисть и веду ногтем по венам, оплетающим кости. Всего несколько часов назад по ним текла жизнь. Он знал их рисунок. Наверное, мог бы рассказать, как получил этот замысловатый шрам на костяшке. Уверена, была у него и история о швах, что оставили на коже точки рубцовой ткани. Пожалуй, я должна чувствовать себя виноватой за то, что отняла у Брайса эти воспоминания.

– Но не чувствую, – и с этими словами я швыряю его руку в приемник синего измельчителя.

Коржик служил мне верой и правдой – с ним мы уничтожили уже двенадцать туристов, если считать мистера Махоуни. И ему всегда хочется свежей крови. Как и мне.

Звук работающего измельчителя становится на несколько тонов ниже, когда инструмент перемальывает плоть и кости, разбрасывая их по брезенту, который я расстелила рядом с

клумбой.

Может, случись такое несколько лет назад, я бы почувствовала раскаяние. Только вот эта девушка осталась в прошлом – минуло уже четыре года с тех пор, как я приехала на Гиблый Мыс. С тех пор как начала новую жизнь и поклялась скрывать свое прошлое, а также защищать этот городок, хранящий множество тайн.

И я не позволю какому-то Брайсу Махоуни осквернять мой дом.

Окидываю взглядом свой сад. Сейчас то самое межсезонье – уже не весна, но еще и не лето. Цветут лишь нарциссы, тюльпаны и подснежники. А туристы уже начали съезжаться. Они арендуют рыбацкие лодки. Берут напрокат снаряжение и бронируют экскурсии к затонувшему кораблю британского королевского флота «Погибель», в честь которого назван наш город, и к местам других кораблекрушений, коих у скалистого побережья произошло немало. Туристы штурмуют музей. Они разглядывают вычурный, причудливый центр нашего города. Преодолевают сто пятьдесят две ступеньки к маяку Гиблого Мыса. Направляются на местные винокурни и винодельни, чтобы продегустировать виски и вина.

Возможно, все это странно. Порой даже немного мрачно. А мне нравится.

В нашем городке всего несколько тысяч постоянных жителей, включая меня. Когда на пике сезона в конце лета пройдет гастрономический фестиваль «Вкус ужаса», тури-

стов здесь будет гораздо больше, чем местных. И я понимаю почему. Логично, что город с таким названием захочет использовать и его, и свою историю, чтобы привлечь гостей. Эти короткие драгоценные летние месяцы будут кормить нас в глухую зиму, когда сюда никто не приедет. Поэтому я очень серьезно отношусь к своей роли – поддерживать красоту города. Так же, как и к необходимости защищать его.

Наконец я снова обращаю внимание на окровавленный брезент у своих ног. Приберегла лучшее – голень Брайса Махоуни – на десерт. На восковой коже под густыми волосами красуется дешевая татуировка – форель. Всего одна уродливая рыбина, скрывающая плоский шрам. Морщусь нос и пихаю ногу в измельчитель, готовясь к тому глубокому чувству умиротворения, которое неизбежно накроет меня, когда последний сантиметр плоти и костей будет поглощен машиной.

Однако ничего не происходит.

Измельчитель взвизгивает и издает скрежет. Я инстинктивно машу руками, пытаюсь прикрыть голову. В ноздри тут же бьет запах горелой резины. Все наваливается разом. Оглушительный звук и едкий запах сбивают с толку. Минует доля секунды, прежде чем до меня доходит, что нужно что-то делать. Я бью по аварийному выключателю сбоку от тракторного двигателя, чтобы сбавить мощность, но слишком поздно. Раздается оглушительный хлопок, от которого звенит в ушах.

Заглушив двигатель, я в шоке пялюсь на измельчитель.

– Господи, Коржик, это еще что такое? – шепчу я, не в силах даже вдохнуть.

Я смотрю на Коржика с таким видом, будто измельчитель меня предал. Но когда я наконец открываю панели и добираюсь до лезвий, то понимаю: проблема вовсе не в нем. Все дело в гребаном Брайсе, который будто бы решил посмеяться надо мной с того света. Я выдергиваю из машины его изуродованную ногу. Кость раздроблена, половины нет. То, что осталось, болтается на титановой пластине, прикрученной хирургическими винтами. На порванной коже красуется кусок хвоста той самой форели. Я явно недоценила шрам, что скрывался под черными, серыми и зелеными чернилами. Мне и в голову не пришло, что у этого ублюдка под уродской рыбиной может оказаться металл. И эта дурацкая ошибка непременно будет грызть меня до скончания веков.

Я швыряю ногу на брезент и тяжело вздыхаю.

– Мудак.

Что ж, не стоит слишком долго представлять самодовольную рожу мертвого Брайса, поэтому бреду в сарай за запасными болтами и инструментами. Почти полчаса уходит на то, чтобы выковырять сломанные детали и поставить новые. Лезвия повреждены, но сойдет и так. Топориком отрубаю кость Брайса чуть выше титановой пластины, сдираю с нее мясо, снова завожу двигатель и швыряю огрызок ноги в измельчитель. На этот раз все идет как по маслу. Однако я все еще расстроена, ведь с Коржиком едва не случилась настоя-

щая трагедия, поэтому, глядя, как последние останки Брайса Махоуни размазываются по брезенту, не чувствую никакого удовлетворения.

Когда из изогнутой трубы больше ничего не вылетает, я выключаю измельчитель. Присев на корточки у бесформенной груды, слышу знакомое карканье и гляжу на дерево у садовой калитки. В ветвях появляется черная тень.

– Ням-ням. Дай поесть! – требует ворон.

– Минуточку, – говорю я. Ворон каркает еще раз и повторяет свою просьбу, его голос – почти идеальная копия моего собственного.

Оказывается, если выкормить птенца вороны, его невероятно легко научить говорить. Нужно лишь немного свежего мяса. Единственный минус – если вороны видят что-то очень вкусное, они становятся слишком настойчивыми.

– Ты ведь знаешь, что получишь свое. Успокойся, а то сейчас чайки слетятся.

Зачерпнув рукой в перчатке часть перемолотой массы, я отношу ее к птичьей кормушке – черной платформе с готическими столбиками, что поддерживают остроконечную крышу. Я сделала ее специально для Морфея, и теперь он, прыгнув на каменную стену, окружающую сад, наблюдает за моими действиями. Его черные как смоль перья отливают синим, индиго и глубоким лесным зеленым. Я выкладываю измельченную плоть и кости на платформу. Не успеваю сделать и двух шагов назад, как Морфей приземляется на

кормушку и погружает клюв в кровавую массу. В этом есть гармония. Дерьмовый человек становится пищей для дикого существа. В такой завершенности цикла есть нечто, что дарит хотя бы мгновение покоя.

Возвращаюсь к груде, что когда-то была Брайсом Махони, и беру лопату, стоящую неподалеку от брезента. Забрасываю жижу и раздробленные кости в ямки на клумбе – одну за другой, подкармливая еще не готовые зацвести цветы. Рододендроны. Ирисы. Георгины. Лилии. Вскоре от тела не остается и следа – все погребено среди молодых побегов. Оно станет для них пищей, как стало пищей для Морфея. Так же, как питает что-то и во мне, – что-то, что становится все голоднее с каждым новым сезоном. Что-то, что никак не может насытиться.

Нужно прибраться. Я складываю инструменты. Обрабатываю измельчитель средством «Отвянь!» в надежде, что оно справится с кровью, раз ему удалось отбелить уличную пластиковую мебель, когда я обрабатывала ее после местного бродячего кота Дага. Кусок кости Брайса уношу в свой домик, заворачиваю в фольгу и убираю в холодильник. Затем поднимаюсь наверх.

Только когда я включаю душ и жду, пока вода нагреется, мне удастся внимательно разглядеть свое отражение. По лицу размазаны кровь и грязь. В волосах застряли кусочки Брайса и теперь поблескивают среди темных прядей. Я похожу на дикарку – выгляжу почти так же, как в день побега

из того дома ужасов, где за мной с деревьев следили стервятники. Тогда я была совершенно безумна, а сердце у меня – разбито. Возможно, сейчас я более собрана, менее измучена страхом и невыносимой болью, но в моем отражении все еще читается что-то безрассудное. Словно я могу в любой момент сорваться и убежать, не оглядываясь, куда-нибудь на необитаемый остров.

Однако я полна решимости – никуда больше не побегу. Только здесь я по-настоящему в безопасности. Найти Гиблый Мыс после безуспешных попыток скрыться от своего горя – все равно что наткнуться на магический портал в мир, где можно стать кем угодно. Это, конечно, не жизнь с чистого листа, но на что-то получше рассчитывать не приходится. Теперь это мой дом. И я здесь нужна.

Наклоняюсь ближе к зеркалу, почти вплотную к своему отражению, и от дыхания запотеваает стекло. Зачесываю челку назад, открывая светлую кожу лба. Отенок волос настолько темный, что кажется почти черным. Лишь у самых корней едва виднеется светлая полоска, которая тут же растворяется в коричневом. Иногда мне кажется, что мое собственное тело сопротивляется тому, кем я решила стать.

Прикусив нижнюю губу, я обращаю внимание на телефон. Вхожу в свой фейковый аккаунт в личном разделе форума «Нераскрытые истины» – это сообщество детективов-любителей, за которым я время от времени слежу. Именно эти люди активнее всех пытались найти меня, когда я только ис-

чезла, и до сих пор мое имя иногда мелькает на их сайте. Открываю общий раздел, где перечислены основные темы, и пролистываю последние сообщения. Там болтают о глухом деле из штата Вашингтон, о серийном убийце, которого самого убили в Луизиане, о нескольких пропавших без вести. Однако в общем потоке сообщений за последние дни нет ничего конкретного или тревожащего. Уж точно ничего, что хоть как-то напоминало бы о моем испоганенном прошлом. Даже такие истории, как моя, со временем просто забываются. Исчезнуть куда проще, когда у тебя не осталось семьи, которая хранила бы о тебе память.

Вздыхнув с облегчением, я ставлю на телефоне напоминание купить краску для волос, кладу его и залезаю в душ.

Когда покидаю домик на южной окраине огромной территории особняка, стоит полдень. У меня в сумке лежит изуродованная кость Брайса, а я направляюсь к поместью Ланкастеров – внушительному каменному зданию, которое отбрасывает тень родового богатства на весь Гиблый Мыс. Мужчина, который обитает внутри, еще более жуткий, чем сам особняк. И это мое самое любимое создание в этом городе. Мой лучший друг.

Всего два человека могут просто так войти в его дом – и я одна из них.

В прихожей пусто. Легкое чувство беспокойства разливается по телу. Обычно, стоит войти в дом, как тебя тут же встречает волна звуков, делающая строгое, отделанное

камнем пространство уютнее: классическая музыка, старые фильмы или тихий, но гулкий голос самого Артура, который говорит сам с собой.

Тишина здесь – редкость.

– Артур! – зову я, зайдя в гостиную.

Никто не отвечает. Я хмурюсь и иду дальше, в библиотеку, где он проводит бо2льшую часть времени, читая у камина, даже в теплую погоду.

– Артур... Я пришла накормить вас обедом...

Я уже иду мимо коридора, ведущего на кухню, когда Артур неожиданно выпрыгивает из-за статуи с ножом в зубах – что само по себе достижение для восьмидесятилетнего человека, передвигающегося только с ходунками.

– Господи Иисусе, Артур...

Он хватается за рукоять ножа и начинает им замахиваться.

– Ты еще кто такая?

– Это я, Харпер.

Артур толкает ходунки в мою сторону, угрожающе крутя ножом.

– Если ты пришла меня обокрасть, воровка, то я тебя нарежу!

– Я не воровка. Я Харпер. Занимаюсь садом. Живу в доме на территории.

На испещренном морщинами лице Артура теперь читается легкое замешательство.

– Я приготовлю вам обед. Как и каждый день.

– Обед?

– Да, хотите, сделаю ваш любимый сэндвич? Пастроми на ржаном хлебе. Вы проголодались?

Артур моргает, его густые белые брови ползут вверх, туман в глазах, кажется, немного рассеивается, и он опускает нож. Из моих легких вырывается вздох облегчения. Я протягиваю руку, а он смотрит на нее так, словно по линиям на моей коже можно разгадать какие-нибудь страшные тайны.

– Харпер, – наконец произносит он, вкладывая рукоять ножа мне в ладонь, – ну конечно. А я-то принял тебя за воровку!

Он щурится, когда я вопросительно приподнимаю бровь.

– Кто-то забирается в дом и ворует мои вещи.

Стараясь сохранять спокойное выражение лица, я беру его под руку и веду на кухню.

– Почему вы так решили?

– У меня пропали туфли.

– Кто-то украл ваши туфли?

– Да.

– Зачем?

– Они от Стефано Риччи, – ворчит Артур, словно это должно все объяснить.

– И кто-то захотел их забрать? Потому что...

– Потому что они от Стефано Риччи, – говорит он, закатывая глаза, будто я только и делаю, что порчу ему жизнь. –

Они же восхитительны.

– Ладно. – Мы входим на кухню, и я усаживаю старика в уголке, где он обычно ест. Когда Артур устраивается поудобнее, я ставлю свою сумку на мраморную столешницу и мою руки. – Значит, кто-то украл ваши восхитительные, ношенные, стариковские туфли. Если вы вдруг допускаете, что никто к вам не залезал, а вы просто куда-то спрятали свою прекрасную обувь, а потом забыли, – я могу чуть позже поискать. У вас пропало что-то еще?

– Да, сахарница с кристаллами Сваровски.

Я с удивлением смотрю на него.

– Сахарница? Кто-то украл вашу сахарницу?

– Это дорогая вещь.

– Дорогая для «Ломбарда Полли»? Или сгодилась бы и для международного черного рынка сахарниц?

Артур смотрит на меня сердито, но я знаю, что ему нравится, когда его дразнят. Именно поэтому мы вообще подружились. Когда четыре года назад я приехала в город, даже и не подумала, что должна бояться его сварливого характера вкупе с огромным состоянием. И Артур счел это приятно необычным.

– Полли не способна отличить дизайнерскую вещь от ширпотреба, пустая твоя голова!

– О чем вы вообще?

– Ради всего святого, Харпер. Я говорю о стульях!

– О нет, только не ваши стулья! – восклицаю я, прикла-

дывая тыльную сторону ладони ко лбу. – Какой ужас!

– Кажется, ты обещала мне пастроами.

– Именно так. – Я слегка кланяюсь ему и направляюсь к холодильнику, чтобы найти пастроами и сыр проволоне. Однако в холодильнике лежат не только продукты. Не оборачиваясь, я добавляю: – Та самая суперособенная сахарница... Она зеленая?

– Да. И крышка у нее инкрустирована кристаллами Сваровски.

На одной из полок, прямо на уровне глаз, стоит сахарница. Я поднимаю крышечку и вздыхаю.

– Э-э-э... Не она? – спрашиваю я, повернувшись к Артуру с сахарницей в руке. Сначала в его глазах мелькает удивление, но он быстро подавляет эту эмоцию и смотрит на свою драгоценность так сердито, будто это она во всем виновата.

– Я ее туда не ставил, – заявляет он.

Можно поспорить. Сказать, что никто не станет проникать в дом, чтобы украсть туфли или спрятать сахарницу там, где он ее в жизни не найдет. Но я не делаю этого. Спор не приведет ни к чему – только зря расстроит Артура, потому что он просто не помнит. Пока старик забывает мелочи, однако настанет день, когда он больше не вспомнит меня.

Артур притягивает к себе газету, теребит уголок страницы и долго сверлит взглядом мое лицо, прежде чем наконец отвести глаза. Раньше за ним этого не водилось. Бесцельно теребить вещи. Смотреть на меня так, словно он не может

понять, кто я. С тех пор как я появилась на Гиблом Мысе, он был единственным человеком, который по-настоящему понимал меня. А теперь между нами будто вырастают стены – мы возводим их, чтобы сохранить того человека, кем он все еще хочет быть. И, возможно, наблюдать его медленное угасание тяжело именно поэтому.

Кашлянув, я достаю телефон из заднего кармана и начинаю печатать сообщение.

– Готова поспорить, Лукас случайно поставил вашу сахарницу в холодильник. Я сейчас ему напишу, чтобы больше так не делал.

**Дед не в настроении, а виноват
будешь ты. Удачи!**

– Да. Спасибо. Нельзя так делать, – говорит Артур, недовольно цокнув языком. – Я почти уверен, что сахарницу спрятал Лукас. Скажи ему, чтоб в следующий раз был аккуратнее с моими вещами.

Телефон вибрирует.

Черт побери, Харпер!

У меня тут дистиллятор рванул!

Вообще не знаю, что с этим делать.

Не хватало еще с капризами деда возиться.

Поздно. Зато он порадуетя.

Тебе придется смириться.

Расслабься и прими свою судьбу.

Да иди ты!

– Кажется, Лукас в последнее время немного рассеян, – говорю я, еле сдерживая злорадную улыбку. Предвкушение победы – мне снова удалось подставить Лукаса – приятно щекочет нервы.

– Ты права. Лукас будто сам не свой. Передай: мне нужно, чтобы он прочистил водосточные трубы. Свежий воздух пойдет ему на пользу.

Дедуля велит тебе поехать
подышать свежим воздухом
на фоне водосточных труб.

Вообще-то, я боюсь высоты.

Знаешь, еще у нас септик
сломался на днях.
Хотела вызвать мастера, но,
может, ты хочешь заняться
септиком вместо водостоков?

Скажи ему, что я приеду в среду.

И я тебя правда ненавижу.

– Готово. Лукас заедет в среду. – Я с ухмылкой убираю телефон в карман и снова мою руки под тяжестью острого оценивающего взгляда Артура. Через несколько секунд он одобрительно хмыкает. – Как дела на винокурне? Он вас в курс дела поставил?

Случись возрождение винокурни Ланкастеров два года назад, Артур бы захлеб рассказывал мне обо всех успехах и неудачах. Теперь же он медлит и барабанит кривыми пальцами по столешнице из вишневого дерева.

– Все в порядке, – наконец отвечает он и возвращается к газете.

И я улыбаюсь, поскольку, хоть и знаю, что дела далеки от идеала, не хочу, чтобы он переживал из-за этого. Все ведь так или иначе пойдет наперекосяк. Сахарница окажется в холодильнике. А когда Артур заснет, в дом проберется призрачный вор тувель.

– Рада слышать.

Наконец сэндвич для Артура готов. Он просит включить фоновую музыку: оперу Моцарта «Дон Жуан». Что ж, наверное, ничто так не задает настроение обеде, как мистическая история о статуе, побеждающей заносчивого дворянина. Особенно после обнаружения инкрустированной бриллиантами сахарницы-беглянки.

На что тут жаловаться? Главное, что старик счастлив. И, несмотря на колкости, что так часто срываются с его языка, он хороший человек... Пожалуй. А еще очень одинокий. Поэтому я сижу рядом, пока он ест. Мы говорим о городе. О туристах, которые уже начали съезжаться. Артур вспоминает давние времена – с болезнью Альцгеймера гораздо проще вспоминать далекое прошлое, чем держать в голове недавние события. Он рассказывает мне о Гиблом Мысе – уединенном городке из его воспоминаний, каким он был до того, как сюда пришли гастрофестивали, экскурсии к местам кораблекрушений и ночные прогулки при свете фонарей в жутких костюмах. До перекрашенных оконных рам на вик-

торианских домиках и караоке в пабе «Буй и маяк».

Он говорит о городке, где горечь утрат стала частью реальности, неосвязаемой, как туман, что скрывает скалы, поджидające в волнах, чтобы уничтожить корабли и убить людей. В молодости Артура жизнь в таком изолированном рыбацком поселке, как Гиблый Мыс, была не из легких, – он существовал лишь за счет коварных вод отдаленного побережья Северного Мэна. Смерть поджидала на каждом шагу: шторм, незаметная скала или суровая зима. Я город таким не знаю, хотя отголоски того времени все еще живут в памятниках затонувшим кораблям, – их воздвигли на вершине утеса, лицом к морю.

И когда Артур рассказывает мне истории Гиблого Мыса, я чувствую, что должна хранить их. Словно старик хочет, чтобы я спасла его ускользающие воспоминания.

После еды я мою посуду, затем даю Артуру таблетки и устраиваю его в библиотеке. Хотя у меня урчит живот и начинает гудеть голова от того, как сильно хочется кофе, я остаюсь рядом, пока Артур не погружается в послеобеденный сон в своем любимом кресле с откидной спинкой, оставив на коленях раскрытую книгу.

Я еще разок смотрю на старика и улыбаюсь то ли от умиления, то ли от жалости. Потом покидаю поместье и выхожу на улицы Гиблого Мыса.

Моего города.

Якорь

Нолан

Ветер несет с моря солоноватые крупинки. Я делаю глубокий вдох, и легкие наполняются морским воздухом. Мы всегда думаем, что море пахнет свежестью. Что запах моря очищает нас. Человечество считает этот запах правильным. Мы говорим, что он дарит нам покой, хотя на самом деле море пахнет лишь смертью и разложением.

Уголок губ приподнимается в улыбке, пока я смотрю на водную гладь. Это правда, запах смерти действительно придает мне сил.

Как же давно я хотел отомстить. И наконец я на Гиблом Мысе.

В арендованной машине лежат сумки. Подхожу к багажнику, хватаю вещи и, в последний раз бросив взгляд на море, поднимаюсь по ступеням гостиницы «У мыса». Колено затекло после долгой дороги. Локоть тоже побаливает. Я наклоняю голову то в одну, то в другую сторону, и позвонки хрустят, щелкают, трещат. Прокручиваю в голове расписание на первый день.

Во-первых, заселиться в гостиницу. Во-вторых, пойти

прогуляться, чтобы размять ноги. Может, перехватить где-нибудь сэндвич. В-третьих, начать охоту на ту стерву, чтобы в конце концов убить ее, медленно и мучительно. Ведь именно этого она и заслуживает за те муки, боль и унижение, что заставила меня пережить. В-четвертых, джакузи.

Когда я вхожу в вестибюль, на губах уже играет улыбка.

Из года в год, в день той аварии, что забрала брата и чуть не погубила меня, я отнимаю одну жизнь. Она – главный приз в моей ежегодной борьбе за справедливость. Заветный трофей, о котором я так долго мечтал.

Предвкушаю поистине охрентельный отпуск.

За стойкой никого нет, а когда ставлю вещи на багрового цвета ковер, из темной комнаты слева доносится тихий храп. Я громко прочищаю горло, но ничего не происходит. Храп становится только сильнее.

– Прошу прощения, – говорю я, и мне никто не отвечает.

Тут-то я и замечаю табличку на стойке рядом с маленьким латунным колокольчиком. «Звякни в колокольчик, иначе я буду храпеть и дальше», – гласят крупные буквы на табличке. А ниже мелким шрифтом приписано: «Нет, серьезно. Позвони, иначе ключа не получишь».

Я звоню в колокольчик.

В темноте кто-то сопит, а затем раздается голос:

– Я здесь, никуда не уходите!

Из комнаты доносятся шаркающие шаги, и вот появляется невысокая пожилая женщина. Она дышит на стекла оч-

ков и протирает их вышитым фартуком прямо на ходу. Копна белых волос колышется, пока старушка шаркает по полу, а улыбка прорезает глубокие морщины на ее смуглой коже. Наконец, остановившись у стойки, она надевает очки и поднимает на меня затуманенные глаза, медленно разглядывая черты моего лица.

Каждое движение занимает у нее немало времени. Она даже моргает долго. И дышит. Кашлянув, старушка громко сглатывает. И наконец спрашивает:

– Заселяетесь?

– Да, – отвечаю я, протягивая через стойку свои водительские права и кредитку. – Бронь на имя Нолан Роудс.

Женщина цепляет карточки кривыми пальцами и, отложив их, открывает массивную тетрадь в кожаном переплете.

– Добро пожаловать на Гиблый Мыс, – говорит она, перелистывая страницы. – Я Ирэн.

– Очень приятно, Ирэн... – отзываюсь я, хотя старушке будто бы глубоко плевать на эти слова.

Она повторяет мое имя, водит пальцем по странице и постепенно наклоняется все ближе и ближе к книге. Потом берет лупу и почти что утыкается в текст носом.

– Нолан Роудс! – победно восклицает старушка, наконец найдя нужную запись. – Выезд пятнадцатого июля. Номер сто семнадцать.

– Тот самый, с джакузи, верно?

– Именно так. – Она поворачивается к доске на дальней

стене, где на латунных крючках висят ключи. – Приехали на отдых?

– Да, мэм.

– Хотите наше гиблое местечко посмотреть?

Я фыркаю, но пытаюсь скрыть это за кашлем.

– Вроде того, мэм.

– Вода у нас пока холодная, но зато прозрачная. Уолли сдает в аренду зимние гидрокостюмы, если вы с собой не захватили. «Водный спорт с Уолли» найдете у пристани. Нужно проехать по Прибрежной улице вдоль утеса, а потом просто по указателям, не пропустите, – говорит она, указывая куда-то в сторону моря.

Карту города я знаю наизусть, и она явно показывает неверное направление, но я просто киваю. Довольная Ирэн протягивает мне ключ.

– Завтрак подается в столовой ежедневно с шести до десяти. В вашем номере есть небольшая кухня, а еще в городе имеется парочка неплохих заведений – там тоже можно поесть.

Она протягивает через стойку буклет, затем пробивает мою кредитку, заявляя, что возьмет плату по межсезонному тарифу, потому что ей «по душе мой нрав», что бы, черт возьми, это ни значило. Я забираю свои карточки, бросаю несколько слов благодарности, потом хватаю сумки и направляюсь по коридору к своему номеру.

Пусть отелем и управляет древняя старушка, от него все

равно веет традиционным, но утонченным вневременным шармом. Номер оказывается люксом со светло-голубыми стенами, мебелью из красного дерева и распашными дверями, выходящими к морю. Есть даже небольшой внутренний дворик с забором, где можно уединиться, и джакузи, которое пока прикрыто, но вода в нем уже булькает. Я стою снаружи и долго смотрю на утесы, прежде чем вернуться в номер. Остановившись перед кроватью, широко раскидываю руки и плюхаюсь на пышное стеганое одеяло. Рукоять ножа, пристегнутого к поясу, стучит по ребрам, напоминая о том, как прекрасно мне предстоит провести время.

Я выцарапал себе целых шесть чертовых недель отпуска. Это, между прочим, не так-то просто, когда работаешь в поисково-спасательной службе. Все четыре года я множество раз представлял себе эту поездку. И вот я наконец здесь, скоро заполучу то, чего так давно хотел. То, что помогало мне держаться в самые темные времена, – месть.

Достав лезвие из ножен, я переворачиваю его, проверяя остроту большим пальцем. Когда оно прорезает кожу и появляется капля крови, я улыбаюсь.

– Ты от меня не спрячешься. Никогда.

Положив нож на тумбочку, я встаю, чтобы достать пластырь из сумки. Решаю распаковать вещи. Сначала раскладываю свежую одежду. Разбираю дорожную косметичку. Ноутбук и зарядное устройство. И затем, еще раз окинув комнату взглядом, будто за мной может кто-то наблюдать, до-

стаю самый ценный предмет.

Мой альбом.

Открываю первую страницу. Я не из тех парней, на кого посмотришь и подумаешь: «Ага, он увлекается скрапбукингом». Однако, когда ты проводишь два месяца в больнице, поглощенный горем, страданиями и жадной мести, иногда обзаводишься новыми хобби. Первые страницы вышли немного неаккуратными. Фотографии и воспоминания приклеены неровно – края пошли волнами, а под ними пузырится клей. Рука была явно неумелой. Я листаю альбом, и работы становятся все аккуратнее и аккуратнее.

Вот снимок, запечатлевший мои первые шаги. Я заново учусь ходить в реабилитационном центре и стою, опираясь на ходунки, рядом с сестрой и родителями. Помню, что в тот день сказал мне отец, пока его уставшие глаза наполнялись слезами: «Мы гордимся тобой, сынок. На всем свете нет никого решительнее Нолана Роудса».

Это, пожалуй, преувеличение, но он хороший отец, а именно так хороший отец и должен сказать, когда его сын чудом выжил в аварии, виновник которой просто взял и скрылся. И он прав насчет решительности – у меня ее определенно много. Только вот применять ее я решил совсем не так, как он хотел бы.

Большинство людей, вероятно, скажут, что нужно найти лучик света во тьме, чтобы оправиться от тех страданий, что выпали на мою долю. Наверное, родители надеялись,

что я обрету какую-нибудь опору, и это поможет мне двигаться вперед после аварии, изменившей мою жизнь. Например, я мог бы принять мысль о том, что ничего уже не исправить. Освободиться от боли и гнева. Пережить катарсис. Простить. Но сама мысль о том, чтобы кого-то простить, была отвратительна.

Я поступил иначе. Надежда и позитив – не то, что заставило меня отказаться от обезболивающих или заново научиться самостоятельно есть, или преодолеть унижение от того, что я не мог сам переодеться и помыться. Не они помогли мне справиться с потерей.

Света в пропасти боли так и не нашлось.

Внутри меня осталась лишь самая беспросветная, самая глубокая пустота. Человек, которого я когда-то знал, угас, и сформировался кто-то новый.

С какой стати я должен прощать четверых, находившихся в машине той ночью? Прощать за то, что они врезались в нас и бросили меня умирать медленной и мучительной смертью в одиночестве и темноте? С какой стати я должен прощать их за брата, которого они у меня отняли?

– Билли...

Я прижимаю руку к груди, где до сих пор саднит каждый раз, когда я произношу его имя вслух. Почти перестал это делать. Каждый раз, когда имя брата срывается с моих губ, первыми возникают не воспоминания о нашем детстве. Не звук его беззаботного смеха. Не его лучезарная улыбка, ко-

торую я помню до сих пор.

В голове всплывают лишь его невидящие глаза, чей взгляд устремлен прямо на меня. И багровые ручейки, стекающие из его рта, собираясь в лужу на асфальте. Тихий шипящий звук, вырывающийся из его полуоткрытых губ. Последний не то вздох, не то шепот, от которого вскипела кровь.

Нет, я никогда не прощу их.

Приходится цепляться за тьму. Я лелею ее. Отдаю ей всю свою горечь. Всю свою ненависть. А она, в свою очередь, помогает мне.

Она дает мне цель. Силы. Задачу, к выполнению которой нужно стремиться. Миссию, за которую стоит бороться.

Я переворачиваю страницу альбома.

Марк Бомон.

Его лицо не просто отпечатано на странице. Оно врезалось в мою память, образ навеки вписан туда, в мое сознание, словно шрам. Прямо как тепло летнего бриза, или последний свет вечернего солнца, или запах хвои на крутой тропе, что вела от пляжа у мыса Калверт в Мэриленде. Помню, как она хрустела под нашими ботинками, когда мы с Билли поднимались к дороге. Были выходные в честь Дня независимости. Решил устроить небольшой отпуск, чтобы повидаться с младшим братом. Он переехал в Балтимор несколькими месяцами ранее, и я все еще сильно по нему скучал. Помню, что перекинул руку ему через плечо и подумал, как же хорошо вновь слышать его смех. Когда мы начали переходить

дорогу, чтобы вернуться в кемпинг, Билли болтал о пиве, которым было бы неплохо разжиться. До лагеря мы так и не дошли. Не успели – машина на полной скорости вылетела из-за крутого поворота и сбила нас обоих.

И этот момент – самый яркий из всех. Я до сих пор вижу шок на лице Марка Бомона, он сидел на переднем пассажирском. До сих пор слышу визг шин в мгновение до ослепляющей боли. До сих пор помню крик брата, звавшего меня по имени, – последний звук, что он издал.

Чтобы оправиться от травм, ушли месяцы. И еще несколько – чтобы восстановить силы. Я проводил каждую свободную минуту, осваивая новые навыки, учась охотиться на добычу иного рода. И в первую годовщину аварии Марк Бомон стал первым, за кем я пришел.

– Назови мне имена двух парней, что были с тобой в машине, – прошептал я.

Как причудливо работает память... Я сижу в гостиничном номере, но при этом вижу ужас в глазах Марка. Онемевшим пальцем провожу по фотографии – на ней его лицо. Закрывая глаза, слышу приглушенные мольбы. А еще помню удовлетворение, которое почувствовал, отрывая от его рта серебристый скотч.

– Назови имена, и тогда, может быть, выживешь.

– Я не знаю, о чем вы говорите. Пожалуйста-пожалуйста, отпустите меня!

Страх в голосе Марка пробудил меня. Он стал открове-

нием. И заставил понять, что месть, которую я теперь могу вершить, – именно то, что нужно. Единственный наркотик, способный меня успокоить. Которого мне вечно будет мало.

Я уже примерно представлял, кто ехал в машине той ночью, но мне нужно было знать точно. В полицейских отчетах Марк утверждал, что весь вечер сидел один дома. На самом деле он был со своей девушкой, которая и сбила нас. Их вместе видели на вечеринке менее чем за час до случившегося. Он говорил, что ничего не знает об аварии, которая унесла жизнь моего брата и почти забрала мою. В которой, как все тогда предполагали, погиб и водитель. Она скрылась с места преступления и снова попала в аварию неподалеку от того места, где бросила нас умирать. Потом ее машина сорвалась с обрыва в море. Однако я знал правду. Марк был с ней. Сидел на пассажирском сиденье, еще двое парней – сзади. Я помню их силуэты и лица, они расплывались перед моими глазами, когда уроды вылезли из тачки и спорили, помочь нам или уехать.

Им потребовались считанные секунды, чтобы принять решение. Водитель снова забралась в машину и рванула с места так быстро, что шины завизжали. Единственное, что я помню из тех кратких мгновений, прежде чем боль поглотила мое сознание, – это невидящие глаза брата, смотрящие прямо на меня, пока я выкрикивал его имя.

Я отвожу взгляд от фотографии Марка и обращаю внимание на противоположную страницу альбома.

– Тревор Фишер, – наконец признался Марк после всего лишь нескольких ударов. – И Дилан Джейкобс. Он работает в тату-салоне «Инстинкт» в Грейвуде.

Его руки были крепко привязаны к стулу. Помню, как он посмотрел вниз на свое предплечье, когда говорил это. Тогда я перевернул его руку, надпись была все еще четкой, рана зажила, но выглядела свежей. Марк сделал татуировку не больше двух лет назад.

Memento mori.

– Дай угадаю... – сказал я, отпуская его руку. – У Дилана и Тревора такие же татуировки, да?

– Д-да.

– Хорошо. – Я отвернулся к столу с инструментами. Они ждали, когда их наконец окропят кровью. – А то как раз хотелось взять какой-нибудь трофей.

Я делаю глубокий вдох и моргаю, прогоняя воспоминания и наконец возвращаясь в гостиничный номер. Взгляд падает на нож, который теперь лежит на тумбочке, лезвие острое, как в тот день, когда с помощью него я заполучил свой первый трофей. Совершил первый акт правосудия. А потом я смотрю вниз, на кусочек тонкой кожи с неровными краями, вшитый в страницу.

Memento mori.

Помни – ты должен умереть.

Азимут

Харпер

Я вхожу в «Кофе с того света» с сумкой, перекинутой через плечо, и внимательно осматриваю маленькую кофейню в поисках чего-нибудь необычного.

На месте, как обычно, три Роберта – Боб, Бобби и Берт, которые проводят в кафе куда больше времени, чем на работе, где они засыпают ямы и выбоины на дорогах, появляющиеся каждую весну. За стойкой все лето на полную ставку работает Мэдисон, старательная и тихая бариста, еще подросток. Еще один сотрудник, на год ее старше, – Алекс, тот еще пофигист; его лоб полностью закрыт пышной шевелюрой. Мэдисон по уши в него влюблена, и, несмотря на все мои попытки подстроить так, чтобы они выходили на смены в одно время, в моменты, когда владелец кофейни занят другим своим рестораном, свести их у меня никак не получается. Я встаю в очередь и стараюсь скрыть свое раздражение. Не сомневаюсь: единственное, что мешает этим двоим быть вместе, – поразительная невнимательность Алекса. В последний раз окинув взглядом посетителей, я подхожу к стойке.

– Что тебе приготовить, Харпер? – спрашивает Мэдисон, одаривая меня милой застенчивой улыбкой. Она тут же берет бумажный стаканчик навынос – знает, что я закажу американо, – и сразу добавляет его в чек.

– Мне как обычно, пожалуйста, – отвечаю я, роясь в своей небольшой сумке в поисках кошелька. И морщусь, когда кончики пальцев не нащупывают его. – Черт! Забыла кошелек.

– Не волнуйся, в следующий раз рассчитаемся.

– Нет-нет, у меня наверняка где-то тут завалялись наличные. – Я вытаскиваю из сумки завернутую в фольгу голень Брайса и перебираю оставшееся содержимое, пока не нахожу десятидолларовую купюру. Протягиваю банкноту через стойку, попутно извиняясь.

Мэдисон открывает кассу, чтобы дать сдачу, а мой взгляд скользит по пирожным, тортам и пончикам с глазурью. Я заслужила маленькое вознаграждение за такое напряженное утро. Охотиться за мужчиной, убивать его и рубить на куски – нелегкая работа, особенно если ты еще не обедал. Может, взять булочку с корицей...

– Что-нибудь посоветуешь? – раздается позади меня мужской голос.

Бархатный. Сладковатый. С едва слышным теплым южным акцентом. В его тембре больше обаяния, чем во всей соблазнительной выпечке за стеклянной витриной. Я оборачиваюсь. И голос, каким бы восхитительным он ни был, –

ничто по сравнению с тем, как выглядит его обладатель.

Мужчина достаточно высокий, чтобы наша разница в росте казалась ощутимой, а это непросто – во мне почти метр восемьдесят. Он проводит рукой по волосам, и это выглядит даже неприлично. Незнакомец очень даже в курсе своей привлекательности. Я понимаю это по хитрой ухмылке, по тому, как один уголок его губ поднимается, обнажая безупречные зубы. Он излучает обаяние и уверенность. Когда его рука опускается обратно, укладка остается идеальной, словно он физически не может выглядеть хоть сколько-нибудь неряшливо, даже если волосы растрепаны. Особенно когда растрепаны. Пряди теплого каштанового цвета, падающие на скулы, отливают медовыми бликами – такой оттенок может появиться, только если проводишь много времени на солнце. Он невероятно притягателен. И чертовски... опасен.

Я сглатываю, пытаюсь собраться, и тут взгляд незнакомца опускается на мою шею, а зеленые искры в глазах вспыхивают сдержанным весельем. Необычный коричневый отблеск в нижней части левой радужки резко контрастирует с более светлыми оттенками.

– Ну, все зависит от того, что тебе больше нравится. – Я стараюсь говорить невозмутимо. – Сладкое или соленое?

Его улыбка становится шире, совсем немного – ровно настолько, чтобы на загорелых, покрытых мелкими веснушками щеках появились две ямочки.

– Сложно сказать. А что ты взяла? – спрашивает парень.

Сначала я не понимаю, о чем он, пока незнакомец не кивает на обернутую фольгой кость, которую я сжимаю в руке. – Что это у тебя?

– Эм-м... – тяну я и, клянусь, успеваю лишь моргнуть, но этот краткий миг кажется невероятно долгим, пока мозг лихорадочно перебирает все пункты меню, которое я знаю наизусть, и останавливается на единственном слове, кажущемся хотя бы немного подходящим. – Мясо.

– Мясо?

– Фрикадельки! – выкрикиваю я, и парень удивленно склоняет голову. Горло сжимается так, что не вздохнуть. – Мясные... фрикадельки. В смысле... сэндвич. Сэндвич с фрикадельками. Длинный такой. Типа того.

И он, и я одновременно опускаем глаза на фольгу, которую я все еще держу в руке. Кулек, может быть, сантиметров десять в длину, да и в ширину небольшой. Когда наши глаза снова встречаются, я не могу сдержаться, и мое смущение становится очевидным. Хотя он вежливо улыбается, в этой улыбке есть что-то снисходительное.

– Пожалуй, я попробую что-нибудь другое, – говорит он.

– Может, индейку? – предлагаю я, пока Мэдисон передает сэндвич через стеклянную витрину клиенту передо мной.

Сэндвич выглядит просто огромным – непонятно, как оберточная бумага держится. Он раза в три больше того свертка, который я прячу за сумкой у бедра. Какого черта я соврала? А что оставалось делать? Нельзя же сказать:

«Это просто раздробленная большеберцовая кость одного придурка». Но все же... Можно же было придумать что-то получше, правда? Во всем виноват этот парень. И его глаза. Эти необычные зеленые глаза с редкими коричневыми крапинками, которые будто танцуют, когда ему смешно. Вот, например, как сейчас.

Теперь он улыбается немного задорно.

– Значит, сэндвич с фрикадельками брать не стоит. Понял.

Я фыркаю. В прямом смысле.

А потом умираю. Не буквально, конечно, но мне очень этого хочется.

Парень усмехается, словно я издала не визгливый пороссячий звук, а нечто очень милое. Я отворачиваюсь, чтобы сунуть сдачу в баночку для чаевых, а кость Брайса – обратно в сумку. Клянусь, кожа у меня просто горит. По спине катится пот, от которого хочется почесаться. Когда я снова встречаю его взгляд, незнакомец ухмыляется. Слегка откидывается назад. Изучает мое лицо, а в глазах сияет тепло.

– Какой напиток посоветуешь? Если я возьму сэндвич не с фрикадельками, – говорит он, приближаясь ко мне и разглядывая меловую доску над стойкой.

– Ну, чтобы унизиться окончательно, наверное, надо посоветовать тебе коктейль со взбитыми сливками и трубочкой. Длинной такой...

Парень покусывает губу, сдерживая улыбку, и смотрит на

меня через плечо.

– Длинная трубочка, сливки... В твоём духе. Молодец.

– Хоть в чём-то я последовательна.

Мэдисон тянется через стеклянную стойку, чтобы передать мне кофе. Я беру стаканчик и поглядываю на незнакомца. Он следит за движением моей руки, брови у него нахмурены, а улыбка тает, словно он чувствует, что этот момент вот-вот закончится. Может, он ощущает ту же тяжесть в груди, что и я, потому что не хочет, чтобы ниточка между нами оборвалась.

Я должна развернуться и уйти. Убраться отсюда. Забыть про этого туриста. Мне вообще не следовало флиртовать с каким-то случайным мужчиной, который, вероятно, здесь всего на несколько дней. Тем более получилось так себе. Это вообще не в моих правилах, хоть мне иногда и хочется близости, к которой я, не факт, что готова. Мне надо уйти. Пройти дальше, мимо маяка, туда, где так здорово стоять на утесе и смотреть на море. Швырнуть искромсанную кость Брайса с обрыва, и тогда останки скроются под толщей воды, и никто их больше не увидит. Махоуни станет просто ещё одним воспоминанием, поглощенным черными волнами.

Однако я не успеваю уговорить себя и сдвинуться с места, потому что его рука уже лежит на моем рукаве. Такое легкое прикосновение. Лишь намек на тепло, почти невесомый жест. И, при всей его простоте, от этого прикосновения по телу будто пробегает ток. Из-за него перехватывает дыхание.

Пульс учащается, в животе разгорается пламя, а все мысли улечиваются, оставляя сознание совершенно пустым. Все-го мгновение назад я цеплялась за любые доводы, чтобы уйти. А теперь... их просто нет.

– Я бы спросил, можно ли угостить тебя кофе, но, похоже, ты уже сама справилась. – Он кивком указывает на стаканчик в моей руке. Та насмешливая искорка снова вспыхивает в его глазах. – Но, если ты не против съесть свои... фрикадельки не одна, то я с радостью составлю тебе компанию.

Щеки заливает жар. Кажется, его глаза горят еще ярче. Я должна сказать «нет». Знаю, что должна. Но вместо этого говорю:

– Хорошо.

– Хорошо. – Его взгляд задерживается на мне, словно ему нужно убедиться, что я останусь, а затем он убирает руку и поворачивается к Мэдисон: – Мне, пожалуйста, сэндвич с индейкой и молочный коктейль. С собой.

Губы сами собой растягиваются в улыбку, и я качаю головой. А когда поднимаю взгляд на своего спутника, то вижу на его лице точно такое же выражение.

Его внимание пьянит. Я и забыла, как это весело – немного расслабиться. Внезапно ловлю себя на желании сказать что-нибудь остроумное или милое. Поддеть его, например. Что-то вроде: «Индейка со сливками? Пахнет неприятностями». Господи, какая ерунда! Похоже, из моей головы улечились все здравые мысли.

Может, просто улыбнуться ему какой-нибудь особенной улыбкой? Поймать его зеленые глаза и не отпускать, пока он следит, как я убираю прядь волос за ухо?

Я думала, что давно разучилась флиртовать с мужчинами. Похоронила это умение много лет назад. Хотя мне и почти двадцать девять, я была уверена, что отточила эти навыки когда-то давно, в другой жизни. Мне казалось, они умерли в тот же день, что и я.

Следующий посетитель из очереди протискивается между нами, чтобы сделать заказ, разрывая гудящее, потустороннее напряжение в воздухе. Мой новый знакомый перемещается к стойке выдачи, куда Мэдисон относит его заказ, и хотя я отхожу от него к небольшому столику у стены, чтобы добавить в кофе сливки и сахар, все равно чувствую, что он наблюдает за мной. Однако, когда я добавляю в кофе все необходимое, возвращаться не спешу.

Делаю вид, что наблюдаю за окружающими, которые болтают о выбоинах на дорогах, кораблекрушениях и городских сплетнях, или о музеях, турах с привидениями и спектаклях в местном театре. Но на самом деле я украдкой поглядываю на парня. И замечаю детали, потому что приучила себя к этому. Например, изъяны на его походных ботинках – кожа потерта, на подошвах – тонкий слой засохшей грязи, словно бо2льшую часть времени он проводит на ногах. Отмечаю, что в его прическе есть как темные, так и более светлые пряди. Вижу татуировку в виде уробороса, оплетающую

одно предплечье. Шрам, повторяющий изгиб его локтя и исчезающий под подвернутым рукавом. Замечаю, как он наклоняет голову из стороны в сторону, будто пытается прогнать напряжение, засевшее глубоко в жилах. Особенно бросается в глаза, как турист окидывает других посетителей холодным взглядом, каким обычно смотрят врачи, но его внимание всегда возвращается ко мне. И каждый раз, когда это происходит, он улыбается. Парень кажется наблюдательным, но отстраненным. Как будто его обаяние – это неиссякаемый источник, к которому он может обращаться, когда захочет. А все остальное время турист абсолютно равнодушен, будто этот источник внутри него замерзает. Незнакомец явно скрывает что-то от окружающих.

Наверное, мне должно быть жутковато. Только вот его поведение лишь усиливает возникшее напряжение и манит сильнее.

Когда парень забирает свой сэндвич и напиток, то присоединяется ко мне. Окинув взглядом маленькое кафе, он смотрит на меня так, что между его бровей залегает легкая морщинка.

– Здесь многовато народу. Сесть негде.

Я пожимаю плечами, хотя этот беспечный жест кажется наигранным.

– «Кофе с того света» всегда битком, хотя туристический сезон только начался. Но, если хочешь, мы можем прогуляться.

Сама не понимаю, почему эти слова сорвались с моих губ. Едва успеваю одернуть себя, чтобы не предложить ему посмотреть центр города. Я уже не та девчонка, что легко сходится с незнакомцами. Раньше так и было. А потом, в один прекрасный, ничем не примечательный августовский день, мне пришлось заплатить за свою беспечность слишком большую цену.

Однако в этом мужчине есть что-то совсем другое. Он не похож на остальных туристов, проезжающих через Гиблый Мыс, – людей, на которых я обращаю внимание ровно настолько, чтобы оценить, не угрожают ли они моему городу. В нем есть что-то почти знакомое. Может, в том, как он отстранен от суеты в кафе, в последний раз оценивая оглядывая помещение. Может, в том, как он изучает место, словно ищет угрозу, – почему-то это успокаивает. Или в том, как лицо незнакомца проясняется, когда внимание возвращается ко мне и он улыбается.

– Не откажусь, – говорит он, и на мгновение, на один удар сердца, мир вокруг нас исчезает.

Я прочищаю горло и едва заметно киваю. Затем поворачиваюсь и направляюсь к двери, но он протягивает вперед руку и галантно толкает дверь прежде, чем это успеваю сделать я. В груди нарастает трепетное волнение, которое невозможно унять.

– Что вообще приводит людей в город типа Гиблого Мыса? Это что-то из серии «приехал из-за названия, остался из-

за фрикаделек»? – спрашивает он и откусывает сэндвич, пока мы неспешно идем по улице к симпатичному центру города, заполненному маленькими магазинчиками и колоритными ресторанами.

Я решаюсь взглянуть на него и встречаю насмешливую улыбку. Она, ожидаемо, притягательная, но я все равно чувствую, что не готова к тому, как нечто подобное на меня подействует.

– Фрикадельки – это наш козырь, да. Отборные фрикадельки – только на Гиблом Мысе! – Я прячу улыбку за кофейной крышечкой и делаю глоток.

– Почему не ешь?

– Хочу приберечь на потом, – говорю я, похлопывая по сумке, где спрятана завернутая в фольгу кость. Я ненадолго встречаюсь с ним глазами, надеясь, что моя улыбка выглядит менее напряженной, чем ощущается. – А что привело на Гиблый Мыс тебя? Отборные фрикадельки?

– Если честно, нет. Думаю, я здесь только ради взбитых сливок, – заявляет он, и я фыркаю, чувствуя исходящее от него ошеломляющее тепло. – Я приехал в отпуск.

– Никогда бы не догадалась.

– Что меня выдало?

Я пожимаю плечами:

– Всех в городе я знаю в лицо. А вот твое мне незнакомо.

– И сколько же здесь жителей?

– Четыре тысячи двести десять.

– И ты знаешь каждого?

Я поднимаю взгляд и вижу, что он, прищурившись, пристально изучает меня. От прежнего тепла не осталось и следа, его сменила тихая настороженность.

– Да. Правда знаю.

– Родилась и выросла здесь?

– Нет, – отвечаю я, помахав рукой Дайан Монтгомери, владелице магазинчика «Звездный свет». Она машет в ответ и заходит внутрь. – Наверное, у меня просто было достаточно времени и желания познакомиться со всеми.

Я снова пожимаю плечами и смотрю на своего спутника. Между бровей залегла небольшая морщинка, хотя, кажется, он больше ни в чем меня не подозревает.

– А ты? Что привело тебя сюда, именно в это место?

– Просто люблю наблюдать за птицами.

Я замираю и смотрю на него, нахмутив лоб.

– Наблюдать за птицами?

В глазах мелькают игривые искорки – похоже, ему понравилось, что я в это не поверила.

– Да, ты же услышала, Фрикаделька.

– Только посмей назвать меня так еще раз! Оболью тебя кофе, – вырывается у меня вслед за стоном. Он улыбается, не восприняв мою угрозу всерьез, и делает еще глоток коктейля. – И за какими птицами ты наблюдаешь?

Парень пожимает плечами. В его все еще насмешливом взгляде проскальзывает что-то темное – точь-в-точь как от-

свет на лезвии ножа. И я понимаю: его наблюдение за птицами смахивает на охоту, на азартную погоню за чем-то неуловимым в глухих, безлюдных лесах. Где-то в глубине сознания звенит тревожный колокольчик, но его лицо вновь становится безмятежным, и я отгоняю от себя параноидальные мысли.

– За всеми, наверное. Белоголовые орланы, скопы. Но я не привередлив. Меня интересуют все птицы, от соколов до скворцов.

Мы замедляем шаг и останавливаемся перед витриной одного из самых странных магазинов Гиблого Мыса. От волнения перехватывает дыхание, пока я обдумываю, что сказать. Не помню, когда в последний раз чувствовала нечто подобное. Желание. Влечение. Я не хочу задавать следующий вопрос. Но отчаянно желаю знать ответ.

– Один приехал?

Голос у меня слишком тихий, поэтому парень не слышит этих слов и вместо ответа задает свой вопрос:

– «Смастери труп»? Seriously?

Я прочищаю горло, пытаюсь отогнать ощущение, что сжимаюсь в комок из-за неловкости.

– Ага, – говорю я тоном, слишком легким и беззаботным, хотя внутри мне жутко некомфортно. – Открылся в этом году. Знаешь, есть же всякие наборы «Собери мишку» и все такое. Только... не совсем.

Я показываю на один из стендов – ряд искусственных

рук на разных стадиях разложения: одни сжимают шелковые цветы, у других – пластиковое оружие, третьи застыли в немых жестах. В отражении витрины я неожиданно ловлю взгляд своего спутника – его призрачный образ накладывается на части тел по ту сторону стекла.

– Это для «Гонок насмерть» – мы устраиваем их на ежегодном фестивале. В гоночную машинку обычно сажают манекен – и важно, чтобы он выглядел натурально, иначе дополнительных очков не получишь. Пронестись по трассе быстрее всех – это одно, но иногда именно то, какой у тебя второй пилот, решает исход гонки, понимаешь? И проще смастерить его на месте, чем везти с собой в чемодане части тел, хоть и фальшивые... наверное.

– Хм. Гениальная бизнес-идея, в некотором роде, – говорит мой новый друг.

Владелец магазина Генри машет нам фальшивой рукой, пока посетители раскрашивают разные части тел поддельной кровью. Хотя по витрине разбросаны реалистичные внутренности, глазные яблоки и отрубленные конечности, моего спутника, кажется, ничуть не смущает эта довольно жуткая сцена. Он доедает сэндвич, разглядывая части тел, и удовлетворенно кивает.

– Мне нравится, – наконец заявляет он, и я не уверена, что он имеет в виду – сэндвич, магазин или и то и другое.

– Да, это круто. «Гиблое» дело, – отвечаю я, показывая пальцами кавычки. В последний раз помахав Генри, мы раз-

ворачиваемся и продолжаем путь.

– Так и есть, – говорит он. – И, кстати, да.

Я поднимаю на него взгляд. Выражение лица у меня недоуменное, а турист будто этого и ждет – в глазах, поймавших солнечный отблеск, играют насмешливые зеленые искорки. При этом свете я наконец различаю в них вкрапления темно-коричневого – словно тень упала на зеленую листву. Смотрится мило.

– Да, я приехал один.

Щеки пылают. Румянец не спрячешь за кофейным стаканчиком, но я все равно пытаюсь – делаю глоток, не отрывая от него взгляда. Однако турист не спешит перевести тему и улыбается так, словно подловил меня на чем-то постыдном. Мне хочется отвернуться, но я все равно продолжаю смотреть.

Пока у меня не звонит телефон.

– Прости, сейчас. – Я роюсь в сумке, пытаюсь не расстраиваться, что нас прервали. Достая телефон – на экране высвечивается имя Артура – и, бросив на моего спутника виноватый взгляд, принимаю вызов. – Алло?

– Харпер?

– Да, слушаю.

– Ты где?

– В городе. Недалеко от «Кофе с того света».

– А где моя черная сумка?

Я останавливаюсь и чувствую, что парень тоже насторо-

женно замер. Тогда я смотрю на него и беззаботно улыбаюсь, хотя вряд ли его так просто обмануть. Поскольку я в курсе, что лежит в знаменитой артуровской черной сумке, скрыть от незнакомца внезапно вспыхнувшую тревогу не получается.

– Ваша сумка?

– Именно так.

– Зачем же она вам?

– Мария Флорес сдает комнаты. И там остановились просто ужасные туристы! Вчера мужик оттуда разворачивался на моей подъездной дорожке и задел край газона. А сегодня позволил своей мерзкой собачке облегчиться среди розовых кустов и ничего не убрал. Никак не возьму в толк, зачем Мария превратила свой прекрасный дом в место, где можно снять дешевые комнатухи. Каждое лето к ней приезжают только ужасные, самодовольные болваны.

– Ладно... ну... нельзя же за такие проступки делать то... что вы планируете.

– Сегодня – можно. Так где моя черная сумка?

Надежды провести еще немного времени с загадочным незнакомцем быстро ускользают сквозь пальцы. Пусть я и спрятала сумку Артура с наркотиками, оружием и его драгоценным «Грим-нуаром» у себя в домике месяц назад – в том месте, куда он, уверена, не сунется, – все равно не исключаю, что он может запросто сесть в свой гольф-кар и нагрянуть ко мне с обыском. А следующей остановкой будет

соседний дом: Артур проникнет туда, очаровав постояльцев лишь для того, чтобы убить их. Раньше это еще было приемлемо – когда люди действительно заслуживали своей участи и когда у старика была привычка получше запоминать, что он делает с телами. В последнее время его представления о том, какой проступок заслуживает смерти, сильно изменились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.